

«ЗЛОЙ ГОРОД»
ПРОТИВ БАТЫЯ
«БЕССМЕРТНЫЙ ГАРНИЗОН»

Виктор ПОРОТНИКОВ

Утонуть в крови. Трилогия о Батыевом нашествии

Виктор Поротников

**«Злой город» против Батыя.
«Бессмертный гарнизон»**

«Яуза»

2012

Поротников В. П.

«Злой город» против Батыя. «Бессмертный гарнизон» /

В. П. Поротников — «Яуза», 2012 — (Утонуть в крови. Трилогия о Батыевом нашествии)

«Могу-Болгусун» («Злой город») – так назвал КОЗЕЛЬСК хан Батый, застрявший под его стенами на два месяца и положивший здесь треть своего войска. Пусть козельскому князю Василию было всего 15 лет, а в его дружине – меньше двух сотен «храбров», пусть все население города, включая женщин, стариков и детей, не превышало 4 тысяч человек против 10-тысячного монгольского тумена – жители единогласно решили лучше умереть, «дабы оставить по себе добрую память, а за гробом принять венец бессмертия», чем сдаться врагу. Семь недель они держались под ливнем стрел и непрерывными атаками Батыевых полчищ, семь недель в одиночку отражали штурм за штурмом, так и не получив помощи от других князей, которые продолжали свои распри даже в разгар вражеского нашествия. Когда же ворота Козельска все же пали под ударами стенобитных машин, его последние защитники предпочли не спастись бегством, а самим атаковать врага в последней отчаянной вылазке и «утонуть в крови» вместе со своим юным князем, стяжав бессмертную славу... Читайте новый роман от автора бестселлеров «Побоище князя Игоря» и «Батыево нашествие» – захватывающий исторический боевик о «Злом городе» и его бессмертном гарнизоне, чья отвага и стойкость вошли в легенду!

© Поротников В. П., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Поротников

«Злой город» против Батыя.

«Бессмертный гарнизон»

Часть первая

Глава первая

Нежеланные сваты

Град Козельск, затерянный в дремучих вятских лесах, гостеприимно распахнул ворота послам великого киевского князя Михаила Всеволодовича. Три крытых возка на санных полозьях и два десятка конников въехали на узкие улицы Козельска по ноздреватому мартовскому снегу. День клонился к закату. Могучие косматые ели, стоявшие стеной на косогоре, были облиты розовато-пурпурным сиянием вечернего солнца.

Вдовствующая княгиня Феодосия Игоревна и ее пятнадцатилетний сын Василий встретили киевское посольство честь по чести – в самом просторном теремном покое. Мать и сын восседали на небольшом возвышении на стульях с подлокотниками и высокими резными спинками. По сторонам, вдоль бревенчатых стен гридницы, расселись на широких дубовых скамьях местные бояре. Их бородатые лица излучали нетерпение и любопытство, у всех в глазах был один и тот же вопрос: «С какой надобностью приехали в нашу глухомань киевские послы?»

Во главе киевского посольства стоял боярин Федор Кнур. В Козельске его хорошо знали, поскольку он был женат на здешней боярышне. Федор Кнур был родом из Чернигова, он всю жизнь служил черниговским князьям, как и все его предки. В Киев Федор Кнур переехал вместе с князем Михаилом Всеволодовичем как его ближайший советник. Это случилось всего-то месяц тому назад. Черниговский князь Михаил Всеволодович был жесток и мстителен, как и его покойный отец Всеволод Чермный, яростный противник Мономашичей. Объятый безмерным властолюбием, Михаил Всеволодович давно желал утвердиться в Киеве, ибо ему было мало Чернигова. Мало того, Михаил Всеволодович также хотел прибрать к рукам Галич и Новгород. Преследуя свои далеко идущие цели, Михаил Всеволодович без колебаний затевал кровавые распри, заключал и рвал союзы, использовал яд и подкуп, давал клятвы и нарушал их. Перессорившись со своей ближней и дальней родней среди черниговских Ольговичей, Михаил Всеволодович со временем настроил против себя южных и северных Мономашичей. Он был готов враждовать со всем светом, лишь бы добиться первенства на Руси.

Если южных Мономашичей Михаилу Всеволодовичу удалось победить после долгой и упорной борьбы, то с суздальскими князьями ему тягаться оказалось не под силу. Ярослав Всеволодович, брат владимирского князя Георгия Всеволодовича, пришел с полками в Южную Русь, захватил Киев и Чернигов, изгнав Михаила Всеволодовича в Галич. Однако торжество Ярослава Всеволодовича оказалось недолгим. Из степей вдруг нахлынула татарская орда во главе с ханом Батыем, обратившая в пепел Рязанское княжество и Залесскую Русь. Георгий Всеволодович и его сыновья погибли в битвах с татарами. Ярослав Всеволодович спешно двинулся с ратью к Новгороду, дабы собрать силы для отпора Батыю. Киев был оставлен Ярославом на попечение смоленского князя Владимира Рюриковича.

Ярослав Всеволодович еще не успел дойти с полками до Новгорода по февральскому бездорожью, а Михаил Всеволодович уже согнал Владимира Рюриковича с киевского стола. Вла-

димир Рюрикович ушел обратно в Смоленск. Утвердившись в Киеве, Михаил Всеволодович оставил Галич за своим сыном Ростиславом, а в Чернигове посадил князем своего сводного брата Андрея Всеволодовича.

Федор Кнур сначала завел речь о том, о чем вот уже целую неделю ходили пересуды по всем черниговским волостям. Всем было известно, что вщижский князь Роман Святославич Старый давно находится не в ладах со злопамятным Михаилом Всеволодовичем. Недавно родной брат Романа Святославича Анфим Святославич убил Бориса Ольговича, двоюродного брата Михаила Всеволодовича. Свара вспыхнула из-за Брянска, где княжил Анфим Святославич и откуда его изгнал Борис Ольгович при поддержке своих родичей. Анфим не стерпел такую обиду, подстерег Бориса Ольговича на охоте и заколол его копьем. После этого Анфим со своими людьми ушел во Вщиж под защиту старшего брата.

Михаил Всеволодович бросил клич среди черниговских князей, веля им скопом выступить против вщижского князя, который не пожелал выдать ему своего брата Анфима на расправу.

Федор Кнур сообщил юному князю Василию и его матери, что объединенная рать черниговских князей стягивается к городу Брянску, что во главе ее встанет воинственный Изяслав Владимирович, князь путивльский.

«Было бы неплохо, кабы и козельская дружина выступила к Брянску, – заметил при этом Федор Кнур, бросив выразительный взгляд на юного Василия. – Михаил Всеволодович милостив и щедр к тем, кто стоит за него душой и телом. Он ныне главный князь на Руси и все его повеления – закон!»

Кто-то из козельских бояр спросил у главы посольства про курского князя Олега Святославича. Идет ли он в поход на Вщиж? Вопрос этот был задан неслучайно. Старшинство среди черниговских Ольговичей по родовому укладу было за Олегом Святославичем, который доводился Михаилу Всеволодовичу троюродным дядей. По закону, Олег Святославич должен был занимать княжеский стол в Чернигове, но Михаил Всеволодович лишил его этого права. Олег Святославич не имел возможности силой отвоевать для себя Чернигов. Однако он ни в чем не проявлял покорности Михаилу Всеволодовичу, не признавая его старшинство. По этой причине среди черниговских Ольговичей существовал раскол. Многие князья Ольговичи поддерживали Михаила Всеволодовича во всех его начинаниях, добившись с его помощью высоких княжеских столов, почестей и богатств. Но были среди Ольговичей и те, кто желал жить по старине, соблюдая родовое право, по которому старшинство должно было оставаться за дядьями, но не за племянниками. Приверженцами старинных уложений являлись и вщижский князь Роман Старый и брат его Анфим.

Федору Кнуру пришлось сказать, что Олег Святославич не пожелал участвовать в этом деле.

«Тем хуже для него! – злобно добавил Федор Кнур. – Дождется Олег Святославич напасти, дайте срок! Михаил Всеволодович прогонит его с курского княжения и отправит изгойствовать по Руси!»

Бояре козельские завели было речь о том, что слишком крут на расправу Михаил Всеволодович, мол, не к лицу ему это. Ладно бы Михаил Всеволодович только князей Мономашичей истреблял да изгонял, но ведь он ввергает в междоусобную распрю своих же сородичей Ольговичей.

«Татары в Залесской Руси свирепствуют, города жгут, русских людей истребляют, – молвил козельский боярин Никифор Юшман. – От Суздальского ополья до наших черниговских весей недалеко. Татары не сегодня завтра в наши владения ввалятся, а у нас что творится: брат идет на брата! Не дело это ввергать нож между братьями, так и скажи Михаилу Всеволодовичу, посол. К войне с татарами надо готовиться, а не заниматься междоусобной грызней! Я против

того, чтобы козельская дружина участвовала в походе против вщижского князя. Роман Старый нашему дому врагом никогда не был».

Никифор Юшман слыл среди козельских бояр самым знатным, поскольку возводил свой род к вятскому языческому князю Будиславу. В далекие времена, как гласит предание, князь Будислав пришел со своим родом в Верхнеокские лесистые края и основал здесь град Козельск. Свое название городище князя Будислава получило от обилия разнообразной лесной дичи, водившейся в здешних чащобах. Особенно много в окрестных лесах водилось оленей и косуль, которых славяне-вятичи называли дикими козлами.

Свое прозвище боярин Никифор получил за свою воинственность и ратное умение. Юшманом русичи называют кожаный или металлический панцирь с кольчужными рукавами.

Мнение Никифора Юшмана было самым весомым среди козельских бояр, наперекор ему никто никогда молвить слово не решался. Так было и на этот раз. Думные козельские бояре единодушно поддержали сказанное Никифором Юшманом. С боярами согласились и княгиня Феодосия Игоревна с сыном.

Федор Кнур сразу смекнул, что главная голова в Козельске – это Никифор Юшман, что спорить с ним бесполезно, поэтому глава посольства перевел разговор на другое. Федор Кнур бодрым голосом поведал княгине Феодосии Игоревне, мол, ее дочь-красавицу ожидает великое счастье. Михаил Всеволодович вознамерился сочетать браком княжну Звениславу со своим сводным братом Андреем Всеволодовичем.

«Великой чести удостоилась твоя дочь, матушка-княгиня, – с улыбкой произнес Федор Кнур, глядя на Феодосию Игоревну. – Станет твоя Звенислава черниговской княгиней!»

Однако по красивым глазам Феодосии Игоревны было видно, что и этому известию она совсем не рада. Юный князь Василий, взглянув на недовольное лицо матери, тоже нахмурился.

Среди козельских бояр, облаченных в длинные парчовые шубы, подбитые мехом волков и лисиц, пронесся негромкий изумленно-тревожный говорок. Особой радости на лицах бородатых советников княгини Феодосии Игоревны Федор Кнур также не заметил. Боярин Никифор Юшман даже чертыхнулся себе под нос с сердитой усмешкой.

«Я вижу, что княгиня козельская и ее имовитые бояре не желают ходить в воле Михаила Всеволодовича, – громко и раздраженно сказал Федор Кнур. – Не рады правители Козельска ни послам Михаила Всеволодовича, ни его милостям! Не иначе, все вы тайно сговариваетесь с Олегом Святославичем за спиной у Михаила Всеволодовича!»

Федор Кнур собрался было перейти к угрозам, но Никифор Юшман прервал его, предложив перенести обсуждение данной темы на завтра. Мол, послам нужно отдохнуть с дороги, в бане попариться, выспаться на мягких постелях.

«Утро вечера мудренее, – сказал Никифор Юшман. – Все важные дела лучше делать с утра. Так еще предки наши говорили».

Федор Кнур не стал противиться, понимая, что в любом случае княгине Феодосии Игоревне необходимо обдумать в узком кругу со своими боярами предложения Михаила Всеволодовича.

* * *

После бани и вечерней трапезы Федор Кнур попытался встретиться с княгиней Феодосией Игоревной с глазу на глаз, чтобы убедить ее не противиться воле Михаила Всеволодовича. Однако Феодосия Игоревна уклонилась от этой встречи, послав для разговора с главой киевского посольства все того же неуступчивого Никифора Юшмана.

Два боярина встретились в тесной горенке на втором ярусе княжеского терема. В узкие окна, забранные ромбовидными ячейками из разноцветного стекла, глядела ночная холодная мгла. Стоявшая на столе медная масляная лампа озаряла желтым светом бревенчатые стены,

завешанные узорными восточными коврами, массивные потолочные балки из цельных сосновых стволов, широкие березовые половицы.

Сидя на скамье у окна, Федор Кнур, красный и потный после бани, то и дело обтирал лицо льняным полотенцем. Его только-только высохшие длинные волосы и борода были слегка растрепаны. Белая льняная рубаша плотно облегла его дородное тело, когда-то крепкое и мускулистое, а теперь заметно обрюзгшее и растолстевшее. Потому-то старший посол Михаила Всеволодовича и получил такое прозвище. Кнуром на вятско-черниговских землях называли домашнего кабана-борова.

Сидевший на стуле у стола Никифор Юшман негромким ровным голосом объяснял Федору Кнуру, по каким причинам Феодосия Игоревна не желает родниться с Михаилом Всеволодовичем.

– Андрей Всеволодович вспылчив и падок на хмельное питье, срамными словами часто бросается, церковных постов не соблюдает, – молвил боярин Никифор, чуть покачивая головой. Его темно-русые волосы были подстрижены в кружок, а в короткой бороде блестели седые волоски. – К тому же Андрей Всеволодович доводится нашей княжне Звениславе двоюродным дядей. По церковным канонам такой брак есть кровосмешительство.

– Упрямство Феодосии Игоревны не понравится Михаилу Всеволодовичу, – проворчал Федор Кнур, исподлобья взирая на своего собеседника. – С ее покойным супругом Михаил Всеволодович был вельми дружен. Сыну Феодосии Игоревны Михаил Всеволодович оказывал свое покровительство, не позволяя зариться на Козельск своим двоюродным братьям и племянникам. Ныне же Феодосия Игоревна брезгует породниться с Михаилом Всеволодовичем, а сын ее не желает заступить в стремя и исполнить дружину против вщижского князя. Вот она, людская благодарность!

Федор Кнур ядовито усмехнулся.

– Теперь о вщижском князе потолкуем, – тем же невозмутимым тоном продолжил Никифор Юшман. – Может, ты запомнил, боярин, что Анфим Святославич доводится родней Феодосии Игоревне. Он является крестным отцом ее сына. Ты вот упомянул о дружбе между Михаилом Всеволодовичем и покойным мужем Феодосии Игоревны, а ведь и Анфим Святославич тоже был дружен со Всеволодом Мстиславичем. И дружба их временем была проверена. Забыть об этом ни Феодосия Игоревна, ни княжич Василий не могут, тем паче они не посмеют обнажить меч на Анфима Святославича.

– Князь Анфим – злодей! – резко обронил Федор Кнур. – На нем кровь Бориса Ольговича. Нельзя такое преступление без наказания оставлять!

– Эх, боярин, – тяжело вздохнул Никифор Юшман, – праведным гневом хочешь прикрыть неприглядные дела Михаила Всеволодовича. В이니шь Анфима Святославича в злодействе, будто сам не знаешь, что за всей этой сварой стоит Михаил Всеволодович. Ныне не закон главенствует среди князей Ольговичей, а злая воля Михаила Всеволодовича, который порушил все родовые уклады, силой сгоняя с княжеских столов неугодных ему князей. Токмо замахи-ваться палкой на таких князей, как Анфим Святославич и Роман Старый, небезопасно, ибо они воители стойкие и обид не прощают никому. Борис Ольгович много о себе возомнил, потому и поплатился головой.

Речь Никифора Юшмана была не по душе Федору Кнуру, но он не решился перебивать его, зная не понаслышке про грозный нрав этого мужа. Да и физически Никифор Юшман выглядел как былинный богатырь. Он был могуч телом и широк в плечах, мощные мускулы так и выпирали сквозь мягкую ткань его объядовой свитки, длинного одеяния без воротника и с узкими рукавами, надеваемого через голову.

Пятнадцать лет тому назад, когда русские князья и половцы были наголову разбиты татарами на реке Калке, Никифор Юшман отличился тем, что не бросил на поле битвы тело своего князя. В той злополучной для русичей битве полегло одиннадцать князей, бездыханные

тела десяти из которых оказались в руках врагов. И только тело Всеволода Мстиславича было спасено Никифором Юшманом от поругания и доставлено в Козельск. Возглавляемая боярином Никифором козельская дружина сумела пробиться из окружения через полчища татар, не потеряв при этом своего стяга и не бросив никого из раненых. Никифор Юшман изрубил множество врагов, выказав невиданное мужество и воинское умение. О Никифоре Юшмане ходило немало восхищенных слухов, как и об Олеге Святославиче, который тоже сумел вывести своих курян из пекла сражения прямо по телам сраженных ими татар.

Перечисляя неприглядные поступки Михаила Всеволодовича, Никифор Юшман припомнил все: и то, как Михаил Всеволодович утвердился в Чернигове, преступив родовой уклад, и то, как он сначала всячески поддерживал Владимира Рюриковича, занявшего киевский стол после поражения русских князей на Калке, а спустя какое-то время предательски нанес ему удар в спину, изгнав его из Киева в Смоленск. Вспомнил Никифор Юшман и о том, как Михаил Всеволодович отравил одного из своих двоюродных братьев, дабы прибрать к рукам его княжеский удел. Кого-то из своих родичей Михаил Всеволодович просто изгнал из вотчины, кого-то убил, кого-то насильно постриг в монахи... При этом Михаил Всеволодович постоянно менял личину, изображая из себя поначалу друга и покровителя, а затем лишая неудобного ему князя либо жизни, либо вотчины. В первую очередь Михаил Всеволодович преследовал и уничтожал тех своих родственников, кто был против ломки старинного закона о наследовании княжеских столов. Михаил Всеволодович стремился встать выше всех князей на Руси вопреки любым законам и древним уставам. В этом своем устремлении Михаил Всеволодович опирался на тех князей Ольговичей, кто ради власти и богатства был готов преступить любые христианские заповеди. Злодеи всех мастей из бояр и простолюдины, чьи руки были по локоть в крови, находили пристанище у Михаила Всеволодовича, который использовал этих людей в своих грязных делишках.

Возразить на сказанное Никифором Юшманом Федору Кнуру было нечего, ибо дела Михаила Всеволодовича говорили за него самого. Не задерживаясь в Козельске ни дня, киевские послы на следующее утро запрягли коней в возки и отправились в обратный путь.

* * *

Едва уехали киевские послы, как на другой же день в Козельске объявился путивльский князь Изяслав Владимирович со свитой. Родословная Изяслава Владимировича восходила к младшей ветви черниговских Ольговичей, которая владела Новгородом-Северским и прилегающими землями по реке Сейму. Самыми крупными городами Посемья являлись Путивль и Курск. Новгород-северские Ольговичи, не довольствуясь малым, частенько предъявляли свои права на Чернигов, вступая в конфликт с ветвью старших Ольговичей. Отец и дед Изяслава Владимировича сумели добиться для себя черниговского стола, правда, на недолгий срок. Оба умерли от ран, постоянно ввязываясь в межкняжеские распри.

Изяслав Владимирович был человеком дерзким и бесстрашным. В битве на Калке под ним ранили коня, который не смог скакать резво. Отстав от своего полка, Изяслав Владимирович с немногими спутниками полдня отбивался от нападающих татар, уходя к Северскому Донцу. Несмотря на все свои усилия, татары так и не смогли ни убить Изяслава Владимировича, ни взять его в плен. Этот прорыв горстки храбрецов по бескрайней степи, отбившихся от множества врагов, казался неким чудом. Молва о подвиге Изяслава Владимировича еще и поныне была у всех на устах.

Однако сколь Изяслав Владимирович был силен и отважен, столь же он был и порочен. В нем не было ни капли жалости к своему ближнему, этот князь мог пожалеть своего коня, но не друга или брата. Самонадеянность, хвастовство и подлость являлись определяющими чертами характера Изяслава Владимировича. Он рвался занять черниговский стол, считая, что у него

есть все права на это, ибо его отец и дед в свое время княжили в Чернигове. По родовому укладу у Изяслава Владимировича имелось преимущественное право перед Михаилом Всеволодовичем владеть Черниговом. Он доводился Михаилу Всеволодовичу троюродным дядей, как и Олег Святославич. Утвердившись в Киеве, Михаил Всеволодович в знак расположения к Изяславу Владимировичу давал ему во владение то Переяславль, то Вышгород, то Туров... Ни в одном из этих городов Изяслав Владимирович не задержался надолго, так как у Михаила Всеволодовича была привычка то и дело пересаживать союзных ему князей из одного удела в другой. Однажды Изяславу Владимировичу удалось, наконец, получить во владение Чернигов, но опять-таки ненадолго. После ссоры со вспыльчивым Михаилом Всеволодовичем Изяслав Владимирович был вынужден уйти в Путивль.

Обида и злость переполняли Изяслава Владимировича. Одолеваемый жадой мести, он приехал в Козельск, чтобы помешать осуществлению замыслов Михаила Всеволодовича. Узнав, что киевские послы уехали ни с чем, Изяслав Владимирович не стал скрывать своего злорадства.

– Ты верно поступила, краса моя, дав от ворот поворот сватам Михайлы Толстозадого! – усмехаясь, молвил Изяслав Владимирович в беседе с Феодосией Игоревной. – Пусть-ка теперь этот сукин сын ищет невесту для своего брата-негодяя в другом месте. И то, что ты сыну своему не позволяешь выступить в поход на Вщиж, тоже правильно, душа моя. Михайло-мерзавец наверняка уже измыслил способ, дабы во время осады Вщижа по-тихому убрать княжича Василия с помощью яда иль кинжала. На такие-то дела Михайло ба-альшой мастак! Ему же Козельск нужен, чтобы посадить здесь кого-нибудь из ближней родни. В Вятской земле Козельск – самый неприступный град.

– Но ведь мой сын Василий доводится Михаилу Всеволодовичу двоюродным племянником, – нахмурившись, промолвила Феодосия Игоревна. – Это ли не ближняя родня?

– Двоюродных племянников у Михайлы много, – заметил Изяслав Владимирович, – но далеко не все они ему по сердцу. Вот в чем дело, краса моя. После гибели на Калке твоего мужа и свекра семья ваша угодила в опалу к Михайле-подлецу, который сначала сел в Чернигове, а затем в Киеве. Помнишь, наверно, душа моя, как изгойствовали родные братья твоего супруга, Иоанн и Гавриил. Михайло гнал их отовсюду, как чумных. Где ныне Гавриил, никто не знает. Иоанн княжит покуда в захудалом Дедославле на самой окраине Окских земель. Но надолго ли? – Изяслав Владимирович помолчал и добавил: – Удивительно, что Михайло-мерзавец до сих пор не лишил княжича Василия и тебя, краса моя, козельского стола. Полагаю, у Михайлы просто руки до вас не дошли. Погряз он в грызне с Мономашичами из-за Киева. Но теперь-то Михайло-негодяй может торжествовать: смоленских Мономашичей он разбил, а суздальских Мономашичей татары разбили в пух и прах!

Изяслав Владимирович сделал многозначительную паузу, держа Феодосию Игоревну под прицелом своих темных недобрых глаз.

– Ныне-то Михайло силен полками и руки у него развязаны, – озабоченно вздохнул Изяслав Владимирович. – Чувствую, скоро полетят головы неугодных Михайле князей. Сперва Михайло приберет к рукам Вщиж, потом Курск, а там, глядишь, и до Козельска доберется. Так что смекай, краса моя.

– Намеки твои мне понятны, княже, – сказала Феодосия Игоревна, с трудом сдерживая подступившее волнение. – Ты лучше присоветуй, что нам с Василием делать, дабы изгоями не стать.

– Выход тут один, душа моя, – без раздумий ответил Изяслав Владимирович. – Замуж тебе нужно выйти за князя не робкого десятка и с сильной дружиной.

– Немолода я уже, чтобы под венец идти, – усмехнулась Феодосия Игоревна. – Мне ведь уже за сорок. Кто на такую невесту позарится?

– Я готов венчаться с тобой хоть завтра, краса моя, – промолвил Изяслав Владимирович, чуть подавшись вперед и крепко стиснув своими сильными пальцами подлокотники кресла. – Годы тебя совсем не состарили, Федосьюшка. Дивно хороша ты лицом и телом, как спелая ягода! Ну, пойдешь за меня? – Изяслав Владимирович подмигнул своей собеседнице. – Будешь за мной, как за стеной каменной! И сына твоего я никому в обиду не дам. И дочери твоей я подыщу жениха видного. Соглашайся, душа моя! Это дело верное!

– Экий ты быстрый, княже! – смущенно пробормотала Феодосия Игоревна, залившись ярким румянцем. – Скоро сказка сказывается, а сватовство скорым не бывает. Мне с детьми посоветоваться надо и с боярами своими потолковать.

– Чего вола за хвост тянуть! – Изяслав Владимирович раздраженно пожал широкими плечами. – У всех твоих советников, княгиня, зуб на меня имеется, поэтому все их речи мне наперед ведомы. А дети твои еще несмышлены, душа моя, полагаться на их мнение глупо.

– Не серчай, князь, – сказала Феодосия Игоревна, – но у меня так заведено: сначала дума, потом решение. Ты ведь не пустяк какой-нибудь мне предлагаешь. К серьезному делу и подход должен быть серьезным.

– Ладно, княгиня, – Изяслав Владимирович махнул рукой, – кумекай со своими боярами над моими словами. День-другой я могу подождать, но не дольше этого. Войско под Брянском вот-вот соберется, а мне это войско надлежит в поход вести.

* * *

Бояре козельские, к удивлению Феодосии Игоревны, в большинстве своем прислушались к мнению Матвея Цыбы, человека не глупого и осторожного. Боярин Матвей Цыба ратных трудов всегда сторонился, предпочитая худой мир доброй ссоре.

Держа речь перед советниками княгини, Матвей Цыба сказал следующее:

– После злополучной битвы на Калке среди черниговских Ольговичей добрых воителей осталось всего двое: это курский князь Олег Святославич и наш нынешний гость. Причем оба состоят в близком родстве, ведь их отцы были родными братьями. Их дед Игорь Святославич был дерзновенным мужем, об его дальнем походе к Лукоморью и тяжелой сече с половцами замечательно написано в «Слове о полку Игореве». Князь Игорь был пленен половецким ханом Кончаком, но он сумел бежать из плена, отстоял свой новгород-северский стол от посягательств двоюродных братьев и в конце жизни даже утвердился в Чернигове. Олег Святославич и Изяслав Владимирович в полной мере унаследовали доблесть своего деда. При желании и единому сердцу им вполне по силам отнять у Михаила Всеволодовича Чернигов и Киев...

– Это верно, – заметил кто-то из советников, – токмо единому сердцу между Олегом и Изяславом никогда не бывало.

– Времена ныне тревожные, други мои, – продолжил Матвей Цыба. – В Залесской Руси татары свирепствуют, того и гляди эти нехристи в наших владениях объявятся, а князь наш всего лишь отрок. Это просто удача, что Изяслав Владимирович к нашей княгине посватался. Дружина у него сильная и воитель он отменный! Помяните мое слово, бояре, коль не уговорим мы княгиню Феодосию стать женой Изяслава Владимировича, то наплачемся в будущем от козней Михаила Всеволодовича или от нашествия мунгалов. Козельску нужны крепкий щит и острый меч! Бояре, нам нужно идти под могучую руку Изяслава Владимировича!

Споров по этому поводу среди козельских бояр не было. Всем казалось, что брак Феодосии Игоревны и Изяслава Владимировича есть великое благо для Козельска. Лишь боярин Никифор Юшман осмелился напомнить местным вельможам, что у Изяслава Владимировича имеются двое возмужалых сыновей, которые запросто смогут лишить княжича Василия козельского стола, ежели их отец станет законным супругом Феодосии Игоревны.

– Козельск издревле принадлежал старшей ветви князей Ольговичей, поэтому потомкам Игоря Святославича здесь не место, – заявил Никифор Юшман. – Мнится мне, что Изяслав Владимирович с корыстным умыслом набивается в мужья к Феодосии Игоревне. Он явно что-то замышляет против Михаила Всеволодовича и хочет нас втянуть в свои темные дела. Вспомните, бояре, сколь раз Изяслав Владимирович обнажал меч на родичей и друзей своих – не перечсть! Он же сегодня клянется в дружбе и целует крест, а завтра идет на подлость и предательство! Душа у него черная, а повадки волчьи. Князь Изяслав загрызет княгиню Феодосию вместе с сыном, а сыны его их косточки изложут.

Бояре козельские знали, что Изяслав Владимирович способен на низкие поступки, когда дело пахнет выгодой. Однако они были готовы закрыть на это глаза, уповая на то, что любовь Изяслава Владимировича к Феодосии Игоревне не позволит ему поступить подло по отношению к ней и к ее детям. Страх перед скорым на расправу и непредсказуемым в поступках Михаилом Всеволодовичем довлел над козельскими боярами, которые хотели обрести покой и безопасность под крылом у воинственного Изяслава Владимировича.

В свои шестьдесят лет Изяслав Владимирович мог на равных рубиться на мечах с молодыми воинами. Он был силен и вынослив, как лось. Мог сутками не слезать с коня, был неприхотлив в еде и быте. В ратном умении Изяслав Владимирович намного превосходил Михаила Всеволодовича, поневоле вынуждая того считаться с ним. Многими своими успехами в борьбе с Мономашичами за Киев и Галич Михаил Всеволодович был обязан Изяславу Владимировичу. Обойтись без такого сильного союзника Михаил Всеволодович никак не мог, поэтому он неизменно первым шел на примирение с Изяславом Владимировичем после каждой ссоры с ним. Михаил Всеволодович хотел держать князя Изяслава подле себя, как верного сторожевого пса, но тот не желал для себя такой унижительной зависимости, поэтому частенько показывал зубы. Прекрасно понимая, что им не обойтись друг без друга перед лицом своих многочисленных недругов, Михаил и Изяслав тем не менее в душе точили нож друг против друга.

Итог совещания боярской думы сообщил Феодосии Игоревне боярин Матвей Цыба, придя в ее покои.

– Матушка-княгиня, – сказал Матвей Цыба, отвесив поклон, – твой брачный союз с Изяславом Владимировичем станет благом и для тебя, и для Козельска. На такого воителя, как Изяслав Владимирович, никто из Ольговичей меч обнажить не посмеет. Даже Михаил Всеволодович на это не отважится. А посему, княгиня, удел твой будет избавлен от войн и разорений, покуда Изяслав Владимирович будет во здравии.

Не заметив ни тени радости на печально-задумчивом лице Феодосии Игоревны, Матвей Цыба поспешно добавил:

– О сыне своем подумай, княгиня. Князя вокруг возмужалые да зубастые, а Василий еще покуда юн годами. Не сможет он тягаться с двоюродными и троюродными дядьями. В первой же сече Василий гибель свою найдет. А Изяслав Владимирович сможет оградить твоего сына, княгиня, от любых опасностей.

– Да я не о себе, а о сыне и думаю, боярин, – с тяжелым вздохом проговорила Феодосия Игоревна. – Токмо о нем и думы мои.

Княгиня отвернулась к окну, молчаливым жестом повелев Матвею Цыбе удалиться.

Глава вторая

Брат и сестра

Княгиня Феодосия доводилась родной сестрой рязанским князьям Юрию и Ингварю Игоревичам. Это была статная и очень красивая женщина с длинной светло-русой косой. Когда Феодосия ходила в девицах, к ней сватались многие князья, восхищенные ее внешней прелестью. Однако Феодосии приглянулся Всеволод Мстиславич, старший сын черниговского князя Мстислава Святославича. За него-то Феодосия и вышла замуж, перебравшись из Рязани в Козельск.

Две первые дочери, рожденные Феодосией, умерли еще во младенчестве. Третья дочь Звенислава ныне сама стала невестой на выданье. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет. Звенислава, как и ее мать, блистала красотой. Василий, сын Феодосии, был на год моложе Звениславы. Он появился на свет в год злосчастной для русичей битвы на Калке. Отец Василия так и не увидел своего первенца, сложив голову в сече с татарами.

Чертами лица княжич Василий уродился в мать, у него были нежные щеки и подбородок, на которых пока еще не проступила первая мужественная поросль. Синие глаза княжича, его длинные изогнутые ресницы и красиво очерченные уста были предметом постоянных подтруниваний со стороны Звениславы, которая шутливо замечала брату, мол, телом он – отрок, а лицом – отроковица. Порой это злило Василия, хотя с годами он стал терпимее относиться к беззлобным насмешкам своей острой на язык сестры.

Поскольку разница в возрасте у Василия и Звениславы была совсем небольшая, между ними с детских лет установились доверительные отношения. Звенислава не бывала так откровенна с лучшими подругами, как со своим братом. Даже от матери Звенислава имела секреты, но она никогда и ничего не утаивала от брата. Всеми радостями и тревогами Звенислава прежде всего делилась с Василием.

Вот и на этот раз, услышав, какие разговоры ходят по княжескому терему, Звенислава первым делом разыскала брата. Василий сидел за столом в своей светлице и листал толстую книгу в кожаном переплете. Это было сочинение Прокопия Кесарийского о войнах византийцев с персами, вандалами и остготами, переведенное с греческого на русский язык. Эту книгу подарил Василию его крестный отец Анфим Святославич.

– Глазам не верю! – сердито воскликнула Звенислава, стремительно подойдя к Василию по скрипучим половицам. – Вокруг творятся такие события, а мой братец как ни в чем не бывало книги почитывает!

– Сядь, сестра! – спокойно проговорил Василий, подняв глаза на Звениславу. – Ты так взволнована, словно вот-вот наступит конец Царствию Божию. Успокойся.

Однако для стремительной Звениславы это было выше сил.

– О каком спокойствии ты молвишь, братец! – Звенислава резким движением захлопнула книгу, лежащую на столе перед Василием. – Изяслав Владимирович тянет под венец нашу мать, а ты даже не чешешься! Недоумок, ты же стола княжеского лишишься, ежели Изяслав Владимирович станет законным супругом нашей матери. Не книжки листать надо, братец, а гнать отсюда в шею Изяслава Владимировича! Он же прохвост и негодяй!..

Внезапно скрипнула дверь и в светлицу вступила Феодосия Игоревна в длинном лиловом одеянии греческого покроя, в белом платке и небольшой круглой шапочке из блестящей малиновой парчи. По лицу княгини было видно, что она услышала последнюю гневную фразу дочери. Плотнo притворив за собой тяжелую дверь, Феодосия Игоревна приблизилась к столу и опустилась на другой стул. Вид у нее был унылый и потерянный. Прежде чем заговорить, Феодосия Игоревна пристально взглянула на сына и дочь, как бы прося у них прощения за то, что им сейчас предстояло услышать.

– Дети мои, ради нашего благоденствия решилась я сочетаться браком с Изяславом Владимировичем, – с печальным судорожным вздохом промолвила Феодосия Игоревна. – За ним сила и ратное умение, все князья-Ольговичи с ним считаются. Бояре наши признали разумным это мое решение. Хочу услышать и ваше мнение, чада мои.

– Матушка, не выходи замуж за Изяслава Владимировича, – воскликнула Звенислава, обняв мать за плечи. – Он же старый совсем, а ты такая красавица! У вас же разница в возрасте двадцать лет. К тому же Васятку нашего Изяслав Владимирович стола княжеского может лишить. Какое же это благо?

– Неужто все наши бояре горой стоят за Изяслава Владимировича? – спросил Василий, посмотрев в глаза матери. – Не может этого быть.

– Конечно, не все, сынок, – ответила Феодосия Игоревна. – Никифор Юшман выступил против этого брачного союза. Увар Иванович с ним тоже заодно. Ефим Срезень хоть и не был на совете, но мнение свое высказал через сына своего. Не люб ему Изяслав Владимирович.

– Самые здравомыслящие из наших бояр не купились на речи и обещания Изяслава Владимировича, – сказала Звенислава, – а такие, как Матвей Цыба, готовы любому князю кланяться, лишь бы головой не рисковать и мошну свою сберечь. Я и Матвея Цыбу прогнала бы к чертям из Козельска! Коль ему по душе Изяслав Владимирович, вот и пусть проваливает со своим семейством к нему в Путивль!

– Напрасно наши бояре сомневаются в том, что в случае опасности я не смогу возглавить козельскую дружину, – нахмурился Василий. – Мой дядька Гудимир исправно военному делу меня обучает. Я и мечом неплохо владею, и на коне крепко сижу, из лука стрелять умею не хуже моих гридней. А то, что голос мой не слышен среди прочих голосов князей-Ольговичей, так это до поры до времени. Пройдут и мои молодые годы, а им на смену придет мое возмужание. На сем испокон веку стоит род людской.

– Верно молвишь, братец! – Звенислава взъерошила своей быстрой рукой светлые кудри на голове Василия. – И Ярослав Мудрый некогда отроком был, но, возмужав, стал прославленным князем на Руси. От него ведут свой род Ольговичи и Мономашичи. На него тщатся походить иные из нынешних князей, завидуя его мудрости и славе. Кто знает, какая судьба уготована Богом нашему Василию? – Звенислава подмигнула матери. – Ведь он, как и Ярослав Мудрый, немало книг прочитал, греческий язык выучил, Ветхий и Новый Заветы наизусть вызубрил. Не пристало нашему Василию делить отцовский удел с Изяславом Владимировичем, который до седых волос дожил, но так и не стал честным и справедливым. Матушка, иль тебе неведомо, что люди говорят об Изяславе Владимировиче?

Звенислава вновь прильнула к матери, прижавшись своей румяной щекой к ее щеке.

– Что ж, дети мои, – после краткой паузы сказала Феодосия Игоревна, – ваши слова упали на самое дно души моей. Наперекор вам я пойти не могу. Ваше мнение для меня весомее мнения моих бояр. Отвечу я отказом на сватовство Изяслава Владимировича. У меня у самой сердце не лежит к нему. Нельзя, переступая через себя, под венец идти.

Встав из-за стола, Феодосия Игоревна сначала поцеловала дочь, потом сына. На ее ожившемся повеселевшем лице явственно проступили оттенки радостного облегчения, словно тяжкий груз вдруг разом свалился с ее плеч.

Звенислава, взвизгнув от радости, заключила мать в крепкие объятия. Василий тоже вскочил, едва не опрокинув стул, обнял сразу и мать и сестру.

Глава третья

Купава

С малолетства подле княжича Василия находились два воспитателя. Один был молодой священник по имени Созонт. Другой был дружинником, его звали Гудимиром. Созонт обучал Василия грамоте и мирским наукам, а Гудимир наставлял княжича в воинском мастерстве. Когда Василию исполнилось пятнадцать лет, его занятия с Созонтом заметно сократились, поскольку к этому времени начитанный священник успел передать своему воспитаннику почти все свои знания. Для постижения новых иноземных языков и наук надлежало ехать в Киев, но княгиня Феодосия Игоревна запретила сыну даже мечтать об этом. За последние пятнадцать лет Киев не единожды подвергался разграблению русскими же князьями, которые пытались силой вырвать друг у друга этот высокий великокняжеский стол.

По настоянию Феодосии Игоревны дружинник Гудимир теперь чуть ли не ежедневно обучал Василия всему тому, что должен знать и уметь опытный воин.

«Времена ныне лихие, – любила повторять сыну Феодосия Игоревна, – от врагов спасет меч, а не книга. Ум ныне не в чести, зато опытных воителей все князья уважают и опасаются!»

После размолвки с Изяславом Владимировичем, который уехал из Козельска глубоко оскорбленным, не добившись взаимности у Феодосии Игоревны, местная знать раскололась на две враждебные группы. Часть бояр во главе с Матвеем Цыбой настаивала на том, чтобы княгиня Феодосия поскорее исправила свою ошибку, либо повинившись перед Изяславом Владимировичем, либо выразив свою полную покорность Михаилу Всеволодовичу.

«Иначе кто-нибудь из них выгадает момент и опустошит Козельск дотла! – молвил Матвей Цыба. – Гордая княгиня Феодосия с огнем играет, сама того не ведая. Не пожелала она делить ложе с Изяславом Владимировичем, так дождется того, что разделит могилу вместе со своим сыночком!»

Самые воинственные из козельских бояр возражали Матвею Цыбе и его сторонникам, говоря, что до сих пор ни одно вражеское войско не смогло взять штурмом их град.

«В былые времена под стенами Козельска стояли враждебные полки многих князей, когда суздальские Мономашичи пытались отнять вятские земли по Оке у черниговских Ольговичей, – заявлял Никифор Юшман. – Однако ни разу Козельск не был взят на щит. Валы и рвы вокруг нашего града сработаны на века! Таких укреплений нет даже в Чернигове! Михаил Всеволодович обломает зубы, коль сунется к нам с враждебным умыслом. Не страшен нам и Изяслав Владимирович, в его полку воинов немногим больше, чем у нас».

Дабы поднять авторитет княжича Василия, сторонники Никифора Юшмана постановили отныне не проводить без него ни одно заседание боярской думы. Специально для Василия был изготовлен трон из мореного дуба, который установили на возвышении в главном зале княжеского терема. Феодосии Игоревне теперь надлежало на торжественных приемах и совещаниях сидеть в сторонке на обычном стуле. Ее трон убрали с того возвышенного места, где он стоял с той поры, как в сече с татарами погиб Всеволод Мстиславич, отец княжича Василия.

Никифор Юшман и его единомышленники не единожды подступали к Феодосии Игоревне с разговорами о том, что пора бы подыскивать княжичу Василию невесту. «Тянуть с этим делом нельзя, а то всех пригожих княжон разберут, – молвил княгине боярин Увар Иванович. – Опять же тестя Василию нужно подыскать помогущественнее и побогаче, дабы на него опереться можно было в случае какой-нибудь беды».

Феодосия Игоревна повздыхала и дала свое согласие на то, чтобы ее думные бояре приняли шаги по поиску невесты для княжича Василия. Княгине было непросто свыкнуться с мыслью, что ее сын уже почти взрослый и ему пора о собственной семье подумывать. На Руси в ту пору княжеские сыновья и дочери взрослели очень рано. Княжон обручали с их будущими

мужьями в двенадцать-тринадцать лет, княжичи шли под венец порой в шестнадцать-семнадцать лет, иные становились супругами и в более юном возрасте.

Однажды Гудимир, пестун Василия, попросил Феодосию Игоревну выслушать его с глазу на глаз. Мол, дело касается ее сына и дело сие очень важное!

Княгиня Феодосия встретила с Гудимиром в своих покоях, выпроводив прочь всех слуганок.

– Дело, стало быть, такое, государыня, – заговорил Гудимир, опустив глаза и неловко прокашлявшись в кулак. – Пора бы Василию вкусить удовольствий от женских прелестей, ведь он уже в том возрасте, когда женская краса ему кровь горячит. Пора Василию мужчиной становиться. А то найдем мы ему невесту, а он не сумеет толком ни обнять ее, ни приласкать...

Увидев, что Феодосия Игоревна нахмурила брови, Гудимир поспешно вставил:

– Всеу свое время, княгиня. Против природы не попрешь. Сын твой к оружию тянется, но и на девиц частенько поглядывает.

– Что же ты предлагаешь? – спросила Феодосия Игоревна, не глядя на Гудимира.

– Нужно свести на ложе Василия и одну из твоих челядинок, государыня, – сказал дружинник. – Лучше вручить Василию этот запретный плод своими руками, чем дожидаться того, что он сорвет его где-нибудь тайно. Ступив на тропинку тайных сладострастных утех, Василий уже никогда не свернет с нее. В таких случаях на юношей не действуют никакие запреты. Самый верный выход – это сделать тайное явным и не называть плотские утехы грехом.

– Наверное, ты прав, Гудимир, – после краткого раздумья обронила Феодосия Игоревна. – Я подумаю, какую из своих челядинок выбрать в наложницы Василию. Ты поговори с ним наедине... об этом. Пусть Василий знает, что это не твоя прихоть, а мое желание. Пусть он не стыдится своего желания обладать женским телом и не считает это слабостью. Истинный муж должен не токмо мечом владеть, но и уметь взять женщину на ложе. Так и скажи Василию, Гудимир.

Дружинник поклонился княгине, заверив ее, что все сделает, как надо, без нажима и лишних разглагольствований.

* * *

Свой выбор Феодосия Игоревна остановила на двадцатилетней челядинке Купаве. Эту статную красивую девушку Феодосия Игоревна приглядела в одной деревеньке, где та мыкалась по чужим людям после неудачного замужества. Супруг избил беременную Купаву, причинив ей выкидыш. После этого случая Купава стала бесплодной, поэтому супруг без долгих разговоров выставил ее за порог. Все родственники Купавы умерли во время морового поветрия, и она осталась круглой сиротой. Если бы не милость Феодосии Игоревны, взявшей Купаву к себе в услужение, то красавица девица скорее всего пошла бы по блудливым мужским рукам.

Феодосия Игоревна мягко и деликатно растолковала Купаве, как ей надлежит вести себя с Василием, чтобы он увлекся ею и не занимался блудом на стороне. Княгиня совсем не хотела силой принуждать Купаву сходить в постели с Василием, ибо она понимала, что малейшее отчуждение с ее стороны может нанести моральную травму ее сыну. Феодосия Игоревна благоволила к Купаве, ценя ее за доброту и внешнюю прелесть, потому-то княгине хотелось, чтобы Василий испытал интимное блаженство именно в объятиях Купавы, не склонной к разврату и отзывчивой сердцем.

Купава хоть и сильно смутилась после слов Феодосии Игоревны, но противиться ее воле не стала. Купава чувствовала себя в долгу перед княгиней и в душе решила отдать ей этот долг, добровольно став наложницей княжича Василия. Купава сознавала, что ее отказ никак не повлиял бы на привязанность к ней Феодосии Игоревны. Однако как раз из-за этой привязанности Купава и не посмела отказать своей госпоже в столь щекотливой просьбе.

Все обитатели княжеского терема отнеслись с должным пониманием к тем переменам, которые случились в жизни княжича Василия по воле его матери. И только Звенислава была недовольна тем, что Купава отныне ночевала в спальне ее брата чаще, чем в своей горенке. Не нравилось Звениславе и то, что прежде Василий ходил в баню со своим пестуном Гудимиром, а теперь он стал париться только вместе с Купавой.

«Неужто Гудимир мочалку держать разучился? – подначивала Звенислава брата. – Неужто у него сил поубавилось, чтоб спину тебе потереть? А какие места тебе любит помочалить Купава, братец? Скажи, не стесняйся! Ведь доселе меж нами тайн не было!»

Смелая и острая на язык Звенислава негодовала на Василия за то, что он, по ее мнению, так легко соблазнился прелестями Купавы. Отныне по вечерам Василий охотнее уединялся с Купавой, нежели вел долгие душевные беседы с сестрой. Звенислава сердилась на мать, которая, как она полагала, пошла на поводу у Гудимира, по его совету сведя в постели Василия и Купаву. Злилась Звенислава и на Купаву, которая, хоть и не по своей воле, но все же встала между нею и Василием.

Глава четвертая

Княжна Радослава

Тревожные слухи о татарской орде ходили по Козельску с той поры, как здесь появились первые беженцы из Рязанского княжества, разоренного Батыем. Беженцы-рязанцы шли в Козельск группами и в одиночку с конца декабря и до конца января. В основном это были женщины и дети, мужчин среди них было очень мало. Почти все мужи рязанские полегли в сечах с татарами, защищая свои города и веси.

Беглецы из Коломны принесли в Козельск скорбную весть о большой битве у стен этого города, в которой были разбиты мунгалами суздальские полки и остатки рязанских дружин. В сече под Коломной сложил голову храбрый Роман Ингваревич, родной племянник Феодосии Игоревны. Бояре коломенские, понимая, что их град тоже обречен на разорение, успели загодя спровадить лесными тропами в Козельск жену и малолетнего сына погибшего Романа Ингваревича. Вместе с Анастасией Борисовной, вдовой князя Романа, в Козельск прибыла княжна Радослава, дочь рязанского князя Юрия Игоревича.

На долю княжны Радославы выпали тяжкие испытания. Отец отправил ее в Переяславец, вотчину своего брата Ингваря Игоревича, подальше от Рязани, на которую уже надвигались Батыевы полчища. Никто из рязанских князей и воевод не мог и предположить, что татары всего за шесть дней возьмут Рязань и за двадцать дней захватят все прочие укрепленные грады от пограничного Пронска до затерянных в лесах Ростиславля и Коломны.

Был взят штурмом татарами и Переяславец. Ингваря Игоревича тогда не было в городе, он с дружиной находился в Чернигове, помогая суздальцам в их распре с Михаилом Всеволодовичем. Радослава угодила в неволю к мунгалам вместе с супругой Ингваря Игоревича, княгиней Софьей Глебовной.

Произошедшая под Коломной битва началась неудачно для татар. Русские полки сильно потеснили отряды мунгалов, прорвавшись до татарских становищ. Татары понесли серьезные потери. Был убит хан Кюлькан, дядя Батые. Воспользовавшись суматохой и бегством татар, несколько сотен русских невольников, в основном женщин, сумели убежать из татарских станов в Коломну. Среди этих беглецов оказалась и княжна Радослава.

Феодосия Игоревна окружила Радославу вниманием и заботой, ведь она доводилась княжне родной теткой.

Княгиня Анастасия Борисовна задержалась в Козельске ненадолго, вскоре уехав к отцу в Витебск. Она надеялась, что до дремучих Придвинских лесов злобные мунгалы не доберутся. Анастасия Борисовна звала с собой и Радославу, но та не пожелала уезжать из Козельска.

Перед самым нашествием Батыевой орды отец и мать Радославы вели переговоры с трубчевским князем Святославом Всеволодовичем о том, чтобы обручить свою дочь с его сыном. Посланцы рязанского князя Юрия Игоревича успели побывать в Трубчевске и заручились согласием Святослава Всеволодовича и его родни на брак княжича Андрея с Радославой. Однако доставить это известие в Рязань послы Юрия Игоревича не смогли, так как татары к тому времени уже обступили город со всех сторон.

По пути в Трубчевск и обратно доверенные люди Юрия Игоревича останавливались в Козельске, поэтому Феодосия Игоревна была осведомлена о намерениях своего брата выдать Радославу замуж за сына трубчевского князя. Когда по воле счастливого случая Радослава очутилась в Козельске, вырвавшись из татарской неволи, Феодосия Игоревна поспешила известить Святослава Всеволодовича о том, что невеста его сына жива и здорова. Феодосия Игоревна надеялась, что Святослав Всеволодович без промедления заберет Радославу к себе в Трубчевск и сыграет свадьбу. Однако этого не произошло. Гонец, ездивший из Козельска в Трубчевск,

рассказал Святославу Всеволодовичу, какие унижения перенесла Радослава в татарском плену, не утаив и того, что княжна лишилась девственности, забеременев от какого-то татарского военачальника. Щепетильный в таких вопросах Святослав Всеволодович заявил гонцу, что он разрывает прежний уговор о браке своего сына с Радославой.

Феодосия Игоревна была возмущена этим поступком трубчевского князя. Она решила сама встретиться со Святославом Всеволодовичем, пристыдить его и убедить не разрушать личное счастье ее племянницы. Узнав от своего гонца, что Святослав Всеволодович выступил с дружиной к Брянску, где собираются полки черниговских князей для похода на Вщиж, Феодосия Игоревна без промедления выехала туда же.

О Святославе Всеволодовиче ходила дурная слава. Он отличался такой скупостью и сребролюбием, что это отталкивало от него всех, кто узнавал его поближе. Друзей у Святослава Всеволодовича не было, родственники его сторонились. Со своими боярами Святослав Всеволодович жил недружно, поскольку он то и дело пытался урвать у них то село, то участок земли, то их долю военной добычи... Воевал Святослав Всеволодович часто, постоянно ввязываясь в межкняжеские распри. Полководцем он был никудышным, зато смелости ему было не занимать. Помогая Михаилу Всеволодовичу побеждать Мономашичей и утвердиться в Киеве, Святослав Всеволодович не раз ходил с ратью на запад к Галичу и на север к Новгороду. Однажды ему удалось даже сесть князем в Новгороде. Впрочем, новгородцы очень быстро прогнали Святослава Всеволодовича, устав от его поборов. Святослав Всеволодович тогда решил закрепиться в Торжке, дабы перекрыть для новгородцев волжский торговый путь. За время своего пребывания в Торжке Святослав Всеволодович «прославился» тем, что дочиста обобрал местных торговцев и ремесленников, обложив их множеством налогов. Он дошел до того, что стал собирать мыту даже с торговой пошлины. Иными словами, Святослав Всеволодович даже с налоговых выплат брал налог. В Торжке произошло всеобщее народное возмущение и Святославу Всеволодовичу пришлось живо уносить ноги. С той поры за трубчевским князем прочно закрепилось прозвище Мытарь.

Город Брянск был расположен на высоком правом берегу Десны при впадении в нее реки Болвы. Свое название Брянск получил от окружавших его лесов; изначально городок назывался Дебрянск, от слова «дебри». Долгое время Брянск находился во владении новгород-северских князей, затем город вошел в состав удельного Вщижского княжества. Среди черниговских Ольговичей Брянск, как и Вщиж, постоянно являлись яблоком раздора. Обширные черниговские земли неуклонно дробились на уделы, владельцы которых бесконечно грызлись между собой, противясь любым попыткам укрепления великокняжеской власти в Киеве.

Михаил Всеволодович, изгнав из Брянска непокорного ему Анфима Святославича, сначала посадил здесь Бориса Ольговича, своего двоюродного брата, а после убийства последнего он отдал брянский стол Симеону Владимировичу, другому двоюродному брату. Из всех черниговских Ольговичей Симеон Владимирович был самый жалкий как правитель и человек. Он был труслив, завистлив, алчен и недалек умом. Подвизаясь подле Михаила Всеволодовича и лстиво пресмыкаясь перед ним, Симеон Владимирович добился-таки своей удачи, заняв княжеский стол в захудалом Брянске.

Стан князей Ольговичей был разбит в двух верстах от Брянска, на низком берегу реки Болвы. В становище собралось около пятнадцати тысяч ратников, конных и пеших.

Разыскав шатер трубчевского князя, Феодосия Игоревна предстала перед Святославом Всеволодовичем неожиданной-негаданной гостьей.

Святослав Всеволодович встретил радушно княгиню Феодосию, к которой он всегда благоволил, восхищаясь ее дивной красотой. Внешность Святослава Мытаря была весьма обманчива. У него было добродушное на первый взгляд лицо с мясистым красным носом и толстыми губами, которые легко расплывались в широкой улыбке. Чуть прищуренные темно-синие глаза

трубчевского князя таили в себе некую озорную искорку. Эти плутоватые глаза сверкали бирюзовым блеском из-под мохнатых белобрысых бровей. Довольно длинные льняные волосы не могли скрыть две крупные залысины на голове у Святослава Всеволодовича, а его короткая борода и усы имели заметную рыжину. За это Изяслав Владимирович за глаза называл Святослава Мытаря «сивым меринком с рыжим хвостом».

Радущие и приветливость быстро пошли на убыль в Святославе Всеволодовиче, едва он осознал, с какой целью его разыскала Феодосия Игоревна. Князь угощал свою гостью хмельным медом и различными яствами, а у той кусок не шел в горло после всего услышанного из уст Святослава Мытаря.

– Зряшное дело ты затеяла, голубушка, – молвил Святослав Всеволодович, сидя за небольшим походным столом напротив княгини Феодосии. – И упреки твои я совсем не заслужил, видит Бог. Мне, конечно, жаль Радославу, перенесшую такой позор и потерявшую почти всю свою родню. Однако я не могу ввести Радославу в свой дом женой моего сына, зная, что она забеременела от семени грязного язычника. На меня же станут коситься все мои родственники! А как я посмотрю в глаза своему сыну?

– Нету в тебе христианского милосердия, княже! – воскликнула в сердцах Феодосия Игоревна, показав Святославу Всеволодовичу кончик своего мизинца. – Даже вот на столько нету! Черствый и бездушный ты человек! И слову своему не хозяин!..

– Э-э, княгиня, зачем с плеча рубить! Зачем? – заюлил Святослав Всеволодович, пытаясь своей насковзь фальшивой улыбкой смягчить сердитую собеседницу. – Я готов предоставить Радославе кров и стол, о чем речь, матушка. Пусть твоя племянница поживет в моем граде, покуда мунгалы назад в степи не уберутся. Я же не брезгую принять к себе Радославу как гостью.

– Нет, брезгуешь, княже! – гневно возразила Феодосия Игоревна. – Брезгуешь, коль не хочешь сочетать Радославу браком со своим сыном. Как будто Радослава сама язычницей стала, забеременев от поганого нехристя!

Феодосия Игоревна резко встала из-за стола и шагнула к выходу из шатра.

– Противно мне твое угощение, княже, – неприязненно бросила она. – И сам ты противен, хуже лешего! Я найду жениха для Радославы и получше твоего сыночка, дай срок. Прощай покуда!

Неожиданно в шатер стремительно вошел Изяслав Владимирович, столкнувшись лицом к лицу с Феодосией Игоревной.

– Пресвятая Богородица! Кого я вижу?! – изумился он. – Что здесь делает эта неприступная красавица?

Феодосия Игоревна хотела было пройти мимо Изяслава Владимировича, но тот удержал ее своей сильной рукой. Видя, что княгиня не хочет с ним разговаривать, Изяслав Владимирович потребовал ответа от Святослава Всеволодовича.

Святослав Мытарь доводился князю Изяславу родным племянником и привык ему во всем подчиняться, рано оставшись без отца. Пряча глаза и запинаясь, Святослав Мытарь кратко изложил своему дяде суть дела, поссорившего его с княгиней Феодосией.

– Что ж, племяш, иного от тебя ждать и не приходится, – проворчал Изяслав Владимирович. – Некрасиво ты поступаешь! Род наш позоришь!

Изяслав Владимирович предложил Феодосии Игоревне пройти в его шатер и обсудить это дело еще раз, но уже без Святослава Мытаря.

– Не зря же ты ехала сюда по слякотному снегу, княгиня, – сказал Изяслав Владимирович. – Судьбу твоей племянницы все едино решать надо. Кто о ней позаботится, как не ты? Отец и братья Радославы погибли в сечах с мунгалами.

Феодосия Игоревна уступила Изяславу Владимировичу и прошла в его шатер, хотя на душе у нее было беспокойно. При этом она настояла на том, чтобы при их разговоре присут-

ствовал боярин Матвей Цыба, который сопровождал княгиню в этой поездке. В спорах и разговорах Матвей Цыба умел сглаживать острые углы, мог к месту пошутить и польстить собеседнику, потому-то княгиня Феодосия и взяла его с собой.

Изяслав Владимирович без долгих предисловий повел речь о том, что если Феодосия Игоревна окажет ему услугу, то он сумеет заставить Святослава Мытаря сочетать браком Радославу и своего сына.

– Мое слово верное, княгиня, – твердо произнес Изяслав Владимирович.

Феодосия Игоревна переглянулась с Матвеем Цыбой. Тот взглядом дал ей понять, мол, не глупи, соглашайся!

– Какой услуги ты от меня ждешь, княже? – поинтересовалась Феодосия Игоревна.

– Тебе надлежит встретиться с Романом Старым и его братом Анфимом, – ответил Изяслав Владимирович. – Встретиться и убедить их покориться Михаилу Всеволодовичу без войны. Воинов у них мало, против наших полков им все равно не выстоять. Не приступом, так измором. Вщиж все едино будет взят. Я не хочу кровопролития и со своей стороны готов замолвить слово за Анфима Святославича перед Михаилом Всеволодовичем. Думаю, негоже русским князьям глотки друг другу рвать в то время, как татары топчут нашу землю!

– Я согласна встретиться с Романом Старым и Анфимом Святославичем, но не уверена, что они прислушаются к моим словам, – сказала Феодосия Игоревна после краткого раздумья. – Они же ратоборцы, для них речи слабой женщины – пустой звук.

– Анфим Святославич является крестным отцом твоего сына, княгиня, – заметил Изяслав Владимирович. – Не может быть, чтобы он остался глух к твоим уговорам. Скажи ему, что от его здравомыслия в какой-то мере зависит и судьба Радославы. Ты же знаешь Анфима лучше, чем я, княгиня. Затронь самые потаенные струны его души, и он сложит оружие.

– Я сделаю все, что смогу, – тихо промолвила Феодосия Игоревна.

Глава пятая

Сомнения и уговоры

Роман Старый по своему возрасту в старики совсем не годился, ему было чуть больше сорока лет. Это прозвище прилепилось к Роману Святославичу давным-давно. Молодые годы Романа Святославича прошли в битвах и походах, когда он с родными братьями сначала помогал своему отцу утвердиться в Курске, а после смерти отца сражался за то, чтобы вырвать Вщиж из рук своей троюродной родни. В конце концов Вщиж достался во владение Роману Старому и двум его братьям.

Сначала во Вщиже сел князем Михаил, старший брат Романа Старого. А когда Михаил скончался от болезни, то вщижский стол по старшинству занял Роман Старый. Своего младшего брата Анфима Роман Старый посадил князем в расположенном ниже по Десне Брянске. Во многих сечах Роман Старый был не единожды ранен, его лицо было покрыто ужасными шрамами, отчего вид у него был довольно отталкивающий. Из-за этих рубцов на лице Роман Святославич и получил прозвище Старый. Он и впрямь выглядел намного старше своих лет.

После смерти старшего брата Роман Старый женился на его вдове, которая происходила из знатного рода силезских Пястов. В свое время Пясты создали сильное государство из разрозненных польских племен, по примеру Рюриковичей, создавших государство Русь. Ко времени татарского нашествия Польша, как и Русь, была раздроблена на небольшие независимые друг от друга владения местных магнатов. Людмила, супруга Романа Старого, являлась дочерью Мечислава Плясоногого, владетеля городов Ополе и Рацибужа, что на реке Одре. Сестра Людмилы Евфросинья стала женой Анфима Святославича.

Роман Старый, побывав в гостях у своей польской родни, обратил внимание на неприступность тамошних княжеских замков, которые возводились из камня. При этом поляки широко использовали опыт строительства каменных крепостей своих западных соседей – немцев. Вернувшись в свою вотчину, Роман Старый первым делом перестроил стены и башни Вщижа с учетом того, что он узнал, посетив польские города и замки. Залежей прочного камня во владениях Романа Старого не было, тогда он отстроил укрепления Вщижа по старинке из бревен, но на немецкий манер. Детинец Вщижа, где жил князь со своей семьей и дружиной, обрел вид и неприступность западноевропейской крепости. Угловые и проездные башни Вщижа были шести- и восьмигранные, достигая в высоту двенадцати саженей. Все прочие башни, расположенные по периметру деревянной крепостной стены, были обычные четырехгранные, в семь саженей высотой. Самая мощная и высокая башня была возведена из камня в самом центре детинца. В ее круглых стенах было проделано множество узких бойниц на разном уровне, а верх башни венчала тесовая крыша, похожая на островерхий военный шлем. Камень для этой башни люди Романа Старого привозили зимой на санях издалека, почти за сто верст.

Осматривая польские замки, Роман Старый обратил внимание, что система обороны в них продумана гораздо лучше, чем в русских крепостях. Даже если враги врываются внутрь польского замка, его защитники могут укрыться в большой неприступной башне, которая именно с этой целью и возводится в самом центре замка. Называется такая башня – донжон. Такие башни первыми начали строить в своих крепостях французские рыцари, от них это новшество в строительстве замков перешло во все европейские государства.

В своей крепости Роман Старый ввел еще одно новшество, перенятое им у поляков. По его приказу на башнях были установлены большие коловоротные самострелы, так на Руси назывались арбалеты с шестереночным механизмом для натягивания тетивы. Такие арбалеты не изготавливались русскими оружейниками, их обычно завозили на Русь из западных стран. Коловоротный самострел мог поразить цель на расстоянии в двести шагов, а с возвышенного места и того дальше. У него была огромная пробивная сила. Стрела из такого арбалета проби-

вала со ста шагов любой щит и любой панцирь. Недостатком коловоротного самострела был его немалый вес и долгая перезарядка для стрельбы. Лучник успевал выпустить до десятка стрел, покуда арбалетчик производил один или два выстрела. Тем не менее при обороне крепости мощные арбалеты являлись большим подспорьем для гарнизона. Во всех польских замках на башнях были установлены коловоротные самострелы, иные имели такие размеры, что их обслуживали по три-четыре воина каждый.

Роман Старый привез из Польши двадцать арбалетов и множество стрел к ним. В дружине Романа Старого имелось около тридцати поляков, среди которых были мастера по ремонту и изготовлению самострелов, меткие стрелки из арбалетов, умельцы по обработке железа и камня. Дружина у Романа Старого была невелика числом, но все его дружинники были рубаки хоть куда. В недалеком прошлом на Вщиж уже покушались соседние князья, однако никому из них так и не удалось силой выбить отсюда отважного Романа Старого.

Ныне к валам и стенам Вщижа подступило войско семи князей.

– Великую честь оказывает нам Михаил Всеволодович, натравив на нас с Анфимом всю свою братию, – с усмешкой молвил Роман Старый в беседе с Феодосией Игоревной. – Токмо нашей покорности Михаил Всеволодович все равно не дождется! Мы с братом лучше ляжем костями, чем будем ходить в воле у этого злыдня!

– Изяслав Владимирович сам недолюбливает Михаила Всеволодовича, – сказала Феодосия Игоревна, – поэтому он и предлагает тебе разойтись с ним миром. Если твой брат сдастся добровольно, то Изяслав Владимирович обещает, что ни один волос не упадет с его головы.

– Ты сама-то веришь ли слову Изяслава Владимировича, княгиня? – Роман Старый переглянулся с Анфимом, а затем пристально взглянул на Феодосию Игоревну. – Ему же клятву нарушить – раз плюнуть!

Феодосия Игоревна тяжело вздохнула, опустив глаза. Конечно, она сомневалась в честности Изяслава Владимировича. Ей просто хотелось верить, что тот ради своей же выгоды не станет выдавать Анфима на расправу Михаилу Всеволодовичу.

– Даже если Изяслав Владимирович затевает какую-то интригу против Михаила Всеволодовича, это не значит, что я стану рисковать головой брата ему в угоду, – промолвил Роман Старый. – Покуда Изяслав Владимирович выполняет повеления Михаила Всеволодовича, он для меня – враг. А перед врагом я голову никогда не склоняю!

– Но вам ведь не выстоять вдвоем против семи князей! – в отчаянии воскликнула Феодосия Игоревна, переведя свой взгляд с Анфима на Романа Старого. – Не лучше ли вам сдаться Изяславу Владимировичу на выгодных условиях, благо, что он сам готов пойти на это.

– Я согласен замирился с Изяславом Владимировичем, но не могу выдать ему брата, – сказал Роман Старый. – А ведь Изяслав Владимирович с братией и полками пришли ко Вщижу за его головой. Вот в чем заваyka, княгиня. Полагаю, без кровавой схватки нам никак не разойтись.

– Если Анфим уйдет из Вщижа, а Изяслав Владимирович закроет на это глаза, тогда кровопролития удастся избежать, – промолвила Феодосия Игоревна, как бы размышляя вслух. – Я спрошу у Изяслава Владимировича, устроит ли его такой поворот событий. Ежели Изяслав Владимирович согласится на это, то Анфим со своей семьей может уехать ко мне в Козельск.

Роман Старый и Анфим Святославич молча переглянулись. Они понимали, что им будет непросто выстоять против семи князей, поэтому любое мирное соглашение стало бы для них большой удачей.

– Хорошо, княгиня, – проговорил Роман Старый, – потолкуй об этом с Изяславом Владимировичем. Ежели он согласится выпустить из Вщижа Анфима и его людей, тогда я пойду с ним на мировую.

Вернувшись в стан князей, осадивших Вщиж, Феодосия Игоревна сообщила Изяславу Владимировичу условие, при каком Роман Старый готов пойти на мир. От себя Феодосия Иго-

ревна добавила, что она готова предоставить убежище Анфиму Святославичу у себя в Козельске. «Ты же, сват, скажешь Михаилу Всеволодовичу, что Анфим бежал в Муром или в заволжские леса», – сказала княгиня.

Такое участие Феодосии Игоревны в судьбе гонимого Анфима Святославича сильно не понравилось Изяславу Владимировичу. Он стал упрекать Феодосию Игоревну в греховном влечении к Анфиму, корил ее тем, что она давно и страстно влюблена в Анфима еще с той поры, когда тот гостевал в Козельске у ее мужа. Это было перед самым походом русских князей против татар, завершившимся их поражением на Калке. Анфиму тогда едва исполнилось двадцать лет, старшие дядя и братья в поход его не взяли, ибо у Анфима в ту пору еще не было ни дружины, ни удела княжеского. Супруг Феодосии Игоревны уговорил Анфима побыть какое-то время в Козельске вместо него до возвращения русских полков из дальнего похода в Степь.

Анфим согласился, так как был дружен со Всеволодом Мстиславичем. Тогда-то и прошел слух о том, что у Анфима Святославича дошло до греховной связи с Феодосией Игоревной. После гибели на Калке Всеволода Мстиславича Анфим еще довольно долго жил в Козельске, чувствуя себя хозяином в княжеском тереме. Бояре козельские и их жены прекрасно видели и понимали, что Анфим пользуется расположением Феодосии Игоревны отнюдь не по тому, что он стал крестным отцом ее сыну, а совсем по другой причине. Просто княгиня Феодосия положила глаз на Анфима, который был моложе ее на восемь лет. Анфим Святославич все-таки покинул Козельск, ибо на то была воля его отца и старших братьев. При всяком удобном случае Анфим навещал в Козельске Феодосию Игоревну и своего подрастающего крестника Василия. Эти наезды Анфима в Козельск прекратились лишь после его женитьбы на Евфросинье, одной из дочерей польского князя Мечислава Плясоногого.

«На Анфиме кровь Бориса Ольговича, и за это ему придется отвечать перед Михаилом Всеволодовичем, – сердито молвил Изяслав Владимирович. – Я не желаю смерти Анфиму Святославичу, но и способствовать его бегству от справедливого суда не собираюсь. Роман Старый слишком многого хочет: и Вщиж за собой удержать, и брата выгородить. Чем-то ему придется пожертвовать. А коль Роман Старый проявит безрассудное упрямство, то он лишится и стола вщижского, и брата потеряет».

Повинуясь воле Изяслава Владимировича, Феодосия Игоревна опять отправилась во Вщиж, чтобы передать Роману Старому, при каком условии семь князей готовы замирились с ним. Дабы избежать войны, Роман Старый должен был выдать брата. Иных условий не было.

Глава шестая

Беда не приходит одна

Город Вщиж был основан пять веков тому назад славянами из племени радимичей как укрепленное поселение на правом берегу Десны. Со временем радимичей покорили славяне из племени северян, пришедшие в Подесенье с Западного Буга и основавшие на Десне свои грады Чернигов и Новгород-Северский. При Олеге Вещем и северяне и радимичи признали над собой власть киевских князей.

Поселение радимичей Вщиж постепенно превратилось в небольшой городок, раскинувшийся на широком высоком мысу правого берега Десны. С юго-западной стороны к городку подступает глубокий овраг, по дну которого протекает ручей Чиж, впадающий в Десну. Название городка на языке радимичей произносилось как Усьчиж, то есть «Близ устья Чижа». В наречии северян это название преобразовалось во Вщиж с тем же смыслом. В языке северян, как и прочих западнславянских племен, было много шипящих и свистящих согласных звуков.

Внутри город Вщиж был разделен на две неравные части валом и рвом, отсекающим западную более обширную часть мыса. В западной части городка располагался детинец-цитадель. Самыми высокими постройками в детинце являлись центральная каменная башня-донжон, дубовый княжеский терем и деревянная пятикупольная церковь.

Княгиня Людмила, жена Романа Старого, позвала Феодосию Игоревну прогуляться по детинцу, чтобы дать возможность своему супругу и его брату обсудить с глазу на глаз непреклонное условие для замирения от семи князей во главе с Изяславом Владимировичем.

Детинец Вщижа был плотно застроен домами местных бояр. Все дома в детинце были расположены по кругу, благодаря чему в центре крепости вокруг каменной башни имелась широкая площадь. Княжеский терем возвышался неподалеку от крепостной бревенчатой стены на самой западной оконечности детинца, имеющем форму треугольника, чуть вытянутого с запада на восток. От княжеских хором вели три узкие улицы, две из которых протянулись вдоль северной и южной крепостных стен, огибая боярские дома, эти две улицы выходили к единственным воротам, ведущим в детинец. Третья улица шла напрямик к центральной площади и дальше к крепостным воротам. В крепости у Романа Старого все было устроено так, чтобы дружина могла очень быстро собраться на площадке у центральной башни, чтобы воины могли за считанные минуты добежать до ворот и до любого участка на крепостной стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.